

18+

НАИЛЬ ЯКУПОВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

Наиль Якупов

Исторические миниатюры

*<https://litres.ru/74147507>
ISBN 9785006992306*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Этот сборник — калейдоскоп ярких эпизодов, через которые просвечивает дух времени. От парадных залов европейских столиц викторианской эпохи до глухих африканских деревень, от грохота батальей мировых войн и революций до зарисовок из жизни маленьких людей из разных уголков планеты. Каждая миниатюра словно вспышка фотокамеры, навсегда запечатлевшая мгновение. В сборник вошли миниатюры, охватывающие XIX–XX века.

Содержание

1830	5
Франция, Средиземное море, 1830 год	5
Банкет	9
Франция, осень 1847 года	9
Покушение	13
Франция, январь 1858 года	13
Кузен из Сенегала	16
Франция, 1864 год	16
Панталоны из Парижа	20
Мексика, 1865 год	20
Митральеза	24
Франция, август 1870 года	24
Франтирёры	27
Франция, сентябрь 1870 года	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Исторические миниатюры

Наиль Якупов

© Наиль Якупов, 2026

ISBN 978-5-0069-9230-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1830

Франция, Средиземное море, 1830 год

Карл X бросил пенсне на стол. Он только что закончил читать ордонансы, которые ему представил министр Полиньяк.

— Это конец монархии, вы же понимаете?

— С Хартией нужно что-то делать, мы теряем власть.

— Что вы предлагаете, принц?

— Маленькую победоносную войну, конечно, — улыбнулся ультрароялист.

«Journal des Debats, 15 мая 1830 года.

Мы не забыли того унижения, которое нанёс нам дей Алжира Хусайн III, ударив нашего консула Девалея веером.

Мы не забыли увеличение налогов для наших торговых

компаний в три раза.

Мы не забыли открытых угроз жизни нашему послу.

11 линкоров, 24 фрегата, 8 корветов, 27 бригов, 6 пароходов, 8 бомбардирских судов адмирала Дюперре готовы сопровождать нашу доблестную армию во главе с графом Бурмоном к берегам Африки.

Дикари поплатятся за свою несговорчивость и дерзость...

Они требуют от нас оплаты долгов Наполеона. Монархия Франции никогда не пойдёт на это. Мы скорее напомним им и возьмём своё за сотрудничество с этим корсиканским выскочкой. Да здравствует монархия, да здравствует Карл X!»

14 июня пехотный полк, где служил Моррис, высадился на полуострове Сиди-Феррух в числе последних. Все они, солдаты и офицеры, изображали из себя отцов и дедушек — покорителей Египта. Вдали за маслиновыми рощами, покрытый дымкой, виднелся перевал, который с боем штурмовали их более ранние товарищи. Алжир манил своими сокрови-

щами.

Морриса едва не зарубили саблей, когда 19 июня на них под покровом темноты пошли в контратаку полчища кабилов во главе с зятем дея Ага-Ибрагимом. Но французы оказались крепче. Опрокинув врага, они гнали туземцев до самого Сиди-Калефа. До столицы Алжира оставалось 10 вёрст.

Но потом случился отдых. Командование подтягивало осадные орудия. Поэтому Моррис с друзьями целых десять дней провалялся, лопаая апельсины, в одной из окрестных рощ. Таких вкусных фруктов у себя на севере Франции он никогда не ел.

В начале июля началась бомбардировка форта Султан-Калесси, скорое падение которого и предрешило участь правителей Алжира. Османский наместник Гусейн-паша бежал с гаремом и деньгами в Неаполь.

Радости Морриса не было предела. Но офицеры казались мрачными. Война и не думала заканчиваться. Это Моррис понял, когда спустя недели после победы его полк стоял в каком-то богом забытом оазисе у ворот Сахары. Впереди были его 10 лет непрерывной службы и боёв с объединёнными племенами мавров, кабилов и арабов. Он пропадёт без вести. Поговаривают, что Моррис принял ислам и ушёл в глубь пустыни.

— Полиньяк, вы идиот, — проговорил Карл X, подписывая отречение.

Париж снова поднял триколор. Гремела Июльская революция 1830 года.

Банкет

Франция, осень 1847 года

— И поэтому правительство Гизо должно уйти в отставку! Невероятно звучит его издёвка: «Обогащайтесь, и тогда вы сможете голосовать!» Власть перешла к прямым оскорблениям, это недопустимо! — с жаром произносил человек на трибуне, который, казалось бы, должен был произносить тост, а не разжигать страсти.

Перед ним, за длинными столами, уставленными редкой выпивкой и едой, расположилась публика, которая, возбуждённо обсуждая политику, порой даже вставала с мест и ходила. Под открытым небом, среди звуков нервного смеха и разговоров, царил атмосфера напряжённого ожидания.

— О, Клэр, кажется, он посмотрел на меня. Ещё немного, и я решусь передать ему записку.

— Решайся уже, Анн, — проговорила, озираясь, подруга. — Такое количество умных мужчин настораживает меня, мы точно на банкете?

— Ха, — усмехнулся рядом сидящий господин. — Вы на митинге, который маскируется под банкет.

— Ничего не знаю, — ответила Клэр. — В приглашении было сказано про «банкет».

— Ну, разумеется, мадмуазель, — улыбнулся незнакомец.

— А вы кто вообще? — смело поинтересовалась Клэр.

— Капитан Лафарг из конторы господина Дюшателя, — улыбаясь, ответил мужчина.

Дамы прикусили языки.

— О, только не волнуйтесь, до вас мне никакого дела нет, — успокоил полицейский. — Просто приятно скоротать время на службе общением с двумя прекрасными дамами.

— Мы тут ради любви, — не выдержала импульсивная Анн. — К политике у нас никакого интереса нет. К тому же собрания и митинги в стране Луи-Филипп запретил.

— Это придаёт особую комичность ситуации, — заметил довольный представитель закона.

— Так, мне надоело терпеть этого господина, — не выдержала Клэр. — Анн, или ты решаешься передать записку этому своему красавчику, или я сделаю это за тебя.

Анн глубоко вздохнула, встала со скамейки и начала поправлять свою дорогую юбку синего цвета, её сердце колотилось от волнения. Ещё мгновение, и она решительно направилась к увлечённому политическими дебатами лейтенанту национальной гвардии Максимилиану. Ох, как же она была в него влюблена!

— И да, господин полицейский, — резко бросила подруга Клэр. — Мы уходим!

23 февраля 1848 года, Париж уже сутки бурлил беспорядками. Политический банкет, на который в очередной раз собралась Анн, теперь уже со своим новым возлюбленным Максимилианом, был разогнан полицией. После чего они условились снова встретиться на бульваре Капуцинок и, как выразился возлюбленный, «бунтовать».

— Я тебя не пущу, — заявила подруга Клэр, с которой они вместе снимали комнату.

— Да прекрати, газеты пишут, что всё успокоилось. К тому же, это так романтично... — прихорашивая причёску перед зеркалом, заявила Анн.

— У меня плохое предчувствие, подруга, — бледнея, проговорила Клэр.

— Ты просто... — взорвалась Анн. — Ты просто завидуешь моему счастью!

Накинув плащ, девушка выскочила на улицу.

Поздно вечером по Парижу понесли дурные вести, что на бульваре Капуцинок, у отеля «Вандом», где располагалось Министерство иностранных дел, в котором, по слухам, скрывался Гизо, по толпе митингующих была открыта стрельба. Столица, как это бывало уже много раз раньше, полыхнула пожаром революции.

Клэр не сомкнула глаз всю ночь, её мысли были полны тревоги за подругу. Она представляла себе самые страшные сценарии, мысленно уже хоронила Анн, её сердце сжималось от беспокойства. Но рано утром, когда первые лучи солнца пробивались сквозь занавески, в комнате неожиданно появилась грязная и вся потрёпанная Анн. Она в слезах бросилась в объятия своей подруги, и Клэр почувствовала, как её сердце наполнилось облегчением.

— Если бы не тот месье из полиции, — захлёбываясь слезами, проговорила Анн. — Если бы не тот месье Лафарг, который меня вытащил, я бы погибла.

На следующий день Июльская монархия Луи-Филиппа во Франции пала, а ещё через пару недель Анн окончательно расстанется со своим Максимилианом.

Покушение

Франция, январь 1858 года

Этим зимним вечером в свете газовых фонарей мадмуазель Ирен ждала своего возлюбленного Дамиена у подъезда парижской «Гранд-Опера». Девушка была раздосадована таким скоплением народа на площади вокруг. «А вдруг он растеряется и опять не решится сделать мне предложение?» — закусывая губу, думала она. «И угораздило императору отправиться в оперу именно в этот день», — про себя ворчала Ирен. Она была хороша собой, но скоро ей исполнится двадцать пять лет. «Ещё немного, и старуха», — повторяла она себе.

Толпа парижан всё наседала. Это были зеваки, желающие взглянуть на императора Наполеона III. Редко у кого нашёлся бы тут билет на саму оперу. Ирен же достала два заветных через дядюшку, который работал в совместной с англичанами компании. Девушка почувствовала объятия сзади.

— А вот и я, — произнёс шёпотом Дамиен.

Он был младше Ирен, и поговаривали, что они не пара, так как он из бедной семьи учителя, но своенравная Ирен ничего не хотела слушать. Она чётко поставила цель сделать красавца своим мужем и родить от него много детей.

— Я уже заждаюсь, пошли в фойе, — вздыхая, проговорила девушка.

— Успеем, давай взглянем на императора, — улыбаясь, потянул девушку молодой человек.

— Да сдался нам этот чванливый старикашка, — недовольно возразила Ирен.

— Аккуратнее со словами, козочка, кругом агенты полиции. Ты же не хочешь... — улыбаясь, начал паясничать жених.

— Да чёрт с тобой, пошли, — улыбаясь, согласилась Ирен.

На мостовой улицы Лепеллетье, освещённой газовыми фонарями, в сопровождении уланов появилась императорская карета. Вот она подъехала к «Гранд-Опера», вот она разворачивается. Ликующая толпа ринулась приветствовать императора. Двери открываются, и — бабах! Взрыв, за ним другой и третий. Крики, падают лошади, падают люди, женские вопли и паника.

— Император жив! — вдруг раздаётся из толпы. Но Ирен ничего этого не слышит. Она оглушена и держит на руках окровавленное тело жениха. Её Дамиен мёртв.

— Пожалуйста, сделайте это ради старой дружбы моего отца, — умоляла одетая вся в чёрном Ирен. — Я не могу выносить, как вся Франция чествует этого террориста Орсини.

— Я сделаю это не только ради дружбы с вашим отцом, — ответил редактор *Revue de Paris* Дидье Лафарг. — Поверьте, многим не по душе, что гибель стольких людей используют в политических целях.

«Столь возмутительное явление могло произойти только в эпоху нашего бесславного правления. Безусловно кровавое и ничем не оправданное покушение самым наглым образом используется ради достижения политических целей. Сперва мы узнаём, что пьемонтская графиня де Кастильоне тайно влияет на императора с целью вовлечь его в итальянские дела, потом покушение, в результате которого убито и ранено 156 человек, и те почести, которыми пользуются террористы. Это оскорбление памяти погибших! Имена преступников известны, они вскоре взойдут на эшафот: это Джузеппе Пьери, Карло ди Рудио, Антонио Руди и Феличе Орсини. Но почему? Я спрашиваю, почему из них делают героев? На преступление их толкнула любовь к Италии. Они умоляют не о пощаде, а о вмешательстве императора Наполеона III в дело объединения Италии. Это наталкивает на мысль, а не было ли всё это тщательным образом инсценировано...»

— Довольно читать, господин инспектор, — прервал министр внутренних дел. — Авторов статьи арестовать, газету закрыть, подстрекателям — штраф!

Кузен из Сенегала

Франция, 1864 год

«Дорогой дневник, не знаю, можно ли доверять тебе такое, но я схожу с ума от одной только мысли, что кузен Андре вернулся из Африки и снова в Париже. Мой Андре! Первая любовь, первый поцелуй... Помнит ли он меня? Ведь он стал таким важным офицером колониальных войск. Вчера отец сказал мне, что Андре даже пригласили на празднование годовщины провозглашения президента Луи-Наполеона императором. О, мой Андре в мундире среди лучших людей Франции! Я бы отдала всё, чтобы быть его спутницей на этом торжестве, но отец говорит, что мне нужно закончить эту проклятую гимназию. Почему учёба так скучна? Ответь мне, дорогой дневник! Только подруга Марго радует моё сердце, когда я на учёбе. Именно она рассказала мне, как женщина может заполучить мужчину... Ах, я краснею от этих мыслей. И да, не буду заставлять краснеть тебя, мой милый дневничок. Скажу лишь одно: вечером Андре будет у нас, и я надену то платье с декольте...

2 декабря 1864 год.»

Андре явился в дом своих родственников не один. С ним был, как он представил, друг Луиз. Чёрный как уголь сенегальский стрелок, адъютант и верный помощник, который сперва напугал обитателей дома своей чёрной губастой физиономией, но потом, начав улыбаться, расположил к себе добродушных парижан.

Подали ужин, и все поспешили за стол. Особенно девица Лоретта в своём платье с открытым декольте, из которого, правда, было нечего показывать. Не смотря на это, она разве что не выплясывала перед статным кузеном, который старался не замечать девушку, которую когда-то целовал в парке. Ну что ж, она возьмёт умом во время беседы за ужином.

— Вы довольны приёмом у императора? — спросила она у кузена за столом.

— Конечно, — коротко ответил лейтенант.

— Ещё бы он не был доволен. День падения республики... — проворчал отец Лоретты.

— Папа всё ещё республиканец, — пояснила девушка. — Вы же никому не скажете?

— В своём доме я могу говорить свободно, — проворчал седой отец семейства.

В его словах чувствовалось сомнение.

— Конечно, вы в безопасности, дядюшка, — улыбнулся Андре. — Но скажите, почему вы до сих пор не любите империю?

— А за что её любить... — опуская глаза и как бы стыдясь, ответил хозяин дома.

— А я вам отвечу, за что! — резко начал Андре. — До империи наши колонии в Западной Африке — это городок Сен-Луи и несколько вшивых деревень. Мы даже платили дань местным волофским вождям. Этим черномазым, немыслимо! Прости, Луиз...

Андре потрепал его за руку. Негр на мгновение отвлёкся от еды и улыбнулся другу.

— Так вот, — продолжил лейтенант. — Благодаря политике нашего славного Луи-Наполеона, мы расширили владения вдоль реки Сенегал. Победили тукулерское государство. Проучили их правителя Аль-Хадж Омара, угнали весь скот, заставили нас платить дань. Потом мы двинулись на юг покорять княжество Кайора. Годы упорных боёв и почти никакого результата, пока император лично не направил подкрепление, с которым в Африку прибыл и я, как вы знаете. И вот Кайор пал. Мы с триумфом утвердили господство Франции в этом регионе. Мы начали набирать на службу восхитительных и храбрых жителей этих земель. Теперь нам верно служат сенегальские стрелки. Один из них перед вами, это мой друг Луиз. Луиз, расскажи, как ты спас меня во время той вражеской засады...

— Для меня это честь, — ответил негр и принялся рассказывать на хорошем французском какую-то откровенно дикую историю.

Гости за столом ахнули. Только Лоретта и её отец были недовольны. Девушка — потому что начала ревновать, а её отец — потому что ему пришлось прикусить язык и помолчать о своих республиканских взглядах.

Радости юной Лоретты не было предела, когда она узнала, что кузен остался у них ночевать. Набравшись храбрости, она решила пролезть к нему в комнату и сделать всё то, чему учила подруга Марго.

Сердце колотилось от страха, она в одной ночнушке крадась по ночному коридору. Вот заветная дверь. Ещё мгновение, и Лоретта без стука юркнула в гостевую комнату, где расположился кузен. Девушка была готова разбудить его, признаться в любви и отдаться... Как вдруг она застыла в ужасе и онемела от увиденного. В постели вместе с Андре лежал раздетый до пояса (ниже она не могла видеть из-за одеяла) сенегалец Луиз. Оба мужчины удивлённо смотрели на несчастную девицу, пробравшуюся к ним посреди ночи.

Лоретта выскочила и, заливаясь слезами, побежала к себе. Утром кузен уехал, даже не попрощавшись.

Панталоны из Парижа

Мексика, 1865 год

Ноябрь 1865 года. В своём штабе, которым служил конфискованный у обвинённого в поддержке хуаристов особняк одного из богачей Мехико, с уставшим видом сидел французский генерал, командующий всеми силами французов в затянувшейся интервенции и гражданской войне, Франсуа Ашиль Базен. Его ждали срочные донесения, а вместо этого он вынужден был выслушивать эту самозванную «императрицу Мексики» Шарлотту Бельгийскую, от которой не мог отмахнуться, как от надоедливой мухи.

— Уважаемый генерал, я прошу вас, не смейте унижать моего мужа публично перед подданными, пожалуйста, прекратите! — бойко говорила Шарлотта. — То, что наша власть держится на ваших штыках, не даёт вам права...

— Вообще-то, даёт... — небрежно пуская дым через усы, проговорил генерал.

— И всё же я умоляю вас, — едва не плача, протянула женщина. — Максимилиан же ваш император.

Генерал, прошедший Алжир, Крым, Ломбардию, не выносил женских слёз.

— Я не политик, но мой император — Наполеон III. А

ваш муженёк, по-моему, забывает, кому обязан своим престолом... — раздражённо ответил он. — Меня ждут дела.

Шарлотта Бельгийская выбежала в слезах.

Вошёл капитан.

— Два сообщения, генерал, — отчеканил он.

— Говорите, Марсель.

— На севере взят в плен штаб отряда хуаристов.

— Почему не расстреляли на месте? Ведь, согласно моему «Чёрному декрету», брать пленных запрещено.

— Там высокие чины.

— Бенито среди них нет?

— Нет, мой генерал.

— Тогда какого чёрта решили, что это высокие чины?

— Думали, может, вы захотите попристутствовать на казни, — замялся капитан Марсель. — Вы же любите казни...

— Надо подумать, — сделал паузу командующий. — А вторая новость какая?

— На таможне Веракруса люди императора Мексики задержали партию снарядов.

— И это новость для моих ушей? — разозлился генерал.

— Партию особых «снарядов», — шёпотом уточнил докладывающий офицер.

Франсуа Ашиль Базен покраснел от злости.

— Так куда прикажете ехать?

— В Веракрус, — злобно прорычал командующий.

Его экипаж ворвался на пристань поздно ночью. Генерал орал, отчитывая всех: от коменданта Веракруса до самого мелкого портового служащего. Досталось всем, кто подвернулся под руку. «Но это же контрабанда!» — не унимался особо принципиальный управляющий таможни, которого назначил лично муж Шарлотты Бельгийской, Максимилиан. «Мы будем жаловаться в Париж!» — твердил он. В ту минуту казалось, что Базен его пристрелит. Но трагедии не случилось. Грузы таможня всё же уступила.

Генерал Базен лично взялся сопровождать «снаряды» в Мехико с вооружённой охраной. Как же обрадовалась его появлению управляющая мадам Колетт, которая заведовала бутиком «Женские кружева и бельё», являвшимся собственностью самого генерала.

— Отбоя нет от предзаказов, — улыбалась тучная мадам Колетт. — Дамы Мехико готовы купить в пять раз дороже, если узнают, что панталоны из Парижа.

Генерал довольно покраснел.

— Выпьете кофе?

— Не откажусь, — целуя ручку мадам Колетт, довольный, словно усатый кот, ответил командующий.

— Что делать с пленными? — вдруг вмешался сопровождающий капитан.

— Расстреляйте их уже без меня, Марсель, — раздражён-

но бросил генерал.

Митральеза

Франция, август 1870 года

Капрал артиллерии Жерар Бабино расцеловал жену на пороге своего дома в Руане, пообещал ей вернуться героем и зашагал на железнодорожную станцию. Поезд до Парижа отправлялся только в полдень, но ходили слухи, что мест нет и давка. Так оно и оказалось, поэтому капрал вернулся домой и снова расцеловал жену. В Париж он смог поехать только на четвёртый день. Далее было ещё сложнее: нужно было добраться до Лилля, где находился сборный пункт его полка, который дислоцировался в Реймсе. «Легко сказать, трудно сделать», — оправдывался капрал своему новому другу и собутыльнику, рядовому Гарсону Пети. Вместе они промотали все свои пожитки в кабаках возле Парижского вокзала в ожидании своего поезда. Один раз чуть не подрались со шпаной из мобильной гвардии и едва не угодили в полицию, но спустя две недели всё же отправились к заветному сборному пункту.

Вокруг звучали победные лозунги. Все только и рвались бить пруссаков. Правда, патриотический энтузиазм сильно омрачал серьёзный факт пустого желудка, который так надеялись преодолеть по прибытии в пункт сбора резервистов.

Каково же было удивление и негодование Жерара и Пети, когда им не выдали положенного пайка! Нет, к счастью, им достались винтовки и обмундирование, поэтому резервисты, в отличие от своих менее удачливых собратьев по оружию (точнее, его отсутствию), смогли пойти побираться у местного населения, которое ещё на подъёме энтузиазма готово было накормить будущих, как они считали, героев Франции.

За болтовнёй о подлости Бисмарка и о том, что всё же придётся сплотиться вокруг старика Наполеона III, прошло ещё две недели. За это время Жерар и Пети познакомились с сержантом Юбером, который, по его словам, прошёл чуть ли не через все кампании, которые устраивал император за срок своего правления. Тут были и Крым, и Мексика, и Ломбардия, и Алжир, и чуть ли не личное знакомство с маршалом Мак-Магоном. Правда, вскоре сержант Юбер положил глаз на дочь местного бакалейщика и решил в итоге вовсе не ехать на войну, а сбежать с девушкой в Кале, где рассчитывал уплыть в Англию.

Жерар и Пети не поддержали товарища, но и не осудили. Им удалось раздобыть два местечка на поезд и отправиться наконец-то в Реймс. Поезд шёл пять дней, постоянно пропускавая составы с продовольствием и боеприпасами и то и дело останавливаясь на запасных путях. В дороге наших героев застала новость о первых победах при Саарбрюккене. Пропаганда писала чуть ли не о полном и сокрушительном поражении хвалёной армии Мольтке, хотя на деле пруссаки

город даже толком не обороняли. Они копили силы для решительного удара, который вскоре на своих спинах ощутили французские солдаты.

И тут даже красные шаровары им не помогли. События развивались стремительно. К концу августа Жерар и Пети всё же добрались до своего полка, направленного в армию императора в районе Седана. Обоих определили в качестве расчёта секретного оружия под названием митральеза, которая внешне напоминала фасцию римских ликторов: собрание в связку двадцать пять стволов, по очереди выпускающих заряды. Устройство приводилось в действие поворотами рукоятки и совершало сто пятьдесят выстрелов в минуту!

Правда, капрал и рядовой видели митральезу первый раз в жизни. Как объяснил их командир, оружие было настолько охраняемым и секретным, что знать, как им пользоваться, было не положено. Поэтому в первом же бою, не справившись с механизмом управления, наши герои сдались в плен при Седане вместе со всей армией и нерадивым императором Луи-Наполеоном.

Франтирёры

Франция, сентябрь 1870 года

Над мутной Сеной начиналась осень. Несмотря на ранний час, когда окрестности окутал туман, кругом уже устойчиво преобладали жёлтые тона. Разгоняя опавшие листья, вёсла большой лодки давали всплеск, скрипели уключины. Взвод пруссаков во главе с маленьким, почти карикатурно щуплым унтер-офицером тралил огромным багром дно французской реки.

Где-то далеко начали раздаваться выстрелы. Солдаты на мгновение перестали грести и уставились на своего командира. Тот шёпотом приказал не прекращать поиски. Он был уверен, что его группа в полной безопасности.

После того как Маасская и 3-я армия замкнули клещи в Сен-Жермен-ан-Ле, Париж оказался полностью отрезан от остальной Франции, а о франтирёрах в этих краях пока ничего не слышали.

Вдруг багор что-то нащупал. Это не было колесо от телеги или ржавый сундук, пруссаки смогли выловить заветный телеграфный кабель, который соединял Правительство национальной обороны с делегацией в Туре.

Радостный прусский унтер-офицер дал команду пере-

резать, словно большую чёрную пуповину, эту последнюю связь осаждённого города с внешним миром. С этого дня Париж будет отрезан.

Как вдруг один из солдат указал рукой на небо, по которому, несмотря на туман, летел воздушный шар. Вскоре на таком же столицу покинет и Гамбетта. Франция сдаваться не собиралась.

Андрэ Мулен, буржуа из Шательро, прославился своим огромным животом, несмотря на то, что ему было только чуть больше тридцати лет. Заводские рабочие и работницы с его двух фабрик за его тучные габариты посмеивались над своим хозяином, но делали это, скорее, по-доброму, потому что управляющим он был неплохим и даже где-то мягким. Хотя сегодня терпение у Мулена явно подходило к концу. С утра он обивал пороги учреждений департамента, добиваясь, чтобы военные приняли в качестве пожертвования груз, который он на все свои деньги закупил через Бельгию. Это были винтовки и пистолеты фирм Springfield, Spencer, Remington, Sharps и Winchester.

К концу дня, после долгих мытарств, какой-то военный чиновник выдал ему, что армия предпочитает только винтовку Шасспо. В ответ Андрэ отвесил капитану пощёчину, обозвал бонапартистом и пообещал добиваться своего.

Красный, словно рак, мужчина с огромным животом топал по вечерней улице, вытирая слёзы рукавом.

Начало ноября было невероятно холодным для окрестностей Орлеана, шёл ледяной дождь. Дрожащие французы новой народной армии наступали на 1-й баварский корпус. Униженные десятками поражений, они не верили в то, что немцев можно победить. Но вспомнив лозунг времён первой республики: «Дерзость, дерзость, всегда дерзость!», ополченцы и франтирёры смогли тогда отогнать немцев. Освобождённый Орлеан будет встречать их колокольным звоном. Поговаривают, что французам тогда отлично помогли те самые винтовки и пистолеты, подаренные Андрэ Муленом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.